

Гюстав Флобер

Иродиада

Перевод И. С. Тургенева, 1877

Махэрусская цитадель возвышалась - на восток от Мертвого моря - на базальтовой скале, имевшей вид конуса. Четыре глубоких долины ее окружали: две с боков, одна впереди, четвертая сзади. Куча домов теснилась у ее подошвы, охваченная круглым каменным валом, который то вздымался, то ниспадал, следуя неровностям почвы; извилистая дорога, высеченная в скале, соединяла город с крепостью. Стены той крепости, вышиною в сто двадцать локтей, изобиловали уступами, углами, бойницами; башни высились там и сям, составляя как бы звенья каменного венца, воздвигнутого над бездной.

Внутри цитадели находился дворец, украшенный портиками, с плоской крышей в виде террасы. Перила из смоковичного дерева замыкали ее со всех сторон; длинные мачты, на которые натягивался велариум, стояли вокруг, над перилами.

Однажды, до восхода солнца, тетрарх Ирод Антипа появился на вершине дворца - и, облокотясь о перила, принялся глядеть.

Прямо перед ним лежавшие горы начинали показывать свои гребни, между тем как вся их масса, до самого дна ущелий, пребывала еще в тени. Туманы бродили... Они вдруг разорвались - и ясно выступили очертания Мертвого моря. Заря уже зажигалась позади Махэруса; уже начинали разливаться ее красноватые отражения.

Понемногу осветила она прибрежные пески, холмы, пустыню; а там, дальше к небосклону, зарумянились и Иудейские горы с своими серыми, шероховатыми покатосями. Посередине Энгадди протянулось черною чертою; Эброн в углублении закруглился куполом, Эсколь показал свои гранатовые рощи, Сорэк - свои виноградники, Газер - поля, усеянные кунгутом; кубышкообразная громадная Антониева башня тяжело повисла над Иерусалимом. Тетрарх отвел от нее свои взоры и стал созерцать иерихонские пальмы; вспомнил он тут остальные города своей Галилеи: Капернаум, Аэндор, Назарет - и Тивериаду, куда он, может быть, никогда не возвратится. Иордан струился перед ним по безжизненной пустыне. Внезапно вся побелевшая, она слепила глаза, подобно снеговой скатерти. Мертвое море становилось похожим на большой лазоревый камень - и на северной его оконечности, со стороны Йемена, Антипа открыл именно то, что он боялся найти: разбросанные палатки темно-бурого цвета виднелись там; люди, с копьями в руках, двигались промеж лошадей, а потухавшие огоньки блистали искрами, низко - на самом уровне земли.

То было войско аравийского царя, с дочерью которого Антипа развелся для того, чтобы взять за себя Иродиаду, жену одного из своих братьев. Брат этот жил в Италии, без всякого притязания на власть.

Антипа ожидал помощи от римлян; и так как Вителлий, сирийский правитель, медлил прибытием, беспокойство терзало тетрарха. "Агриппа, - думал он, - наверное, повредил мне у императора". Филипп, третий его брат, владелец Ватанеи, тайно вооружился. Иудеев возмущали идолопоклоннические обычаи тетрарха; других его подданных тяготило его правление. Вот он и колебался между двумя решениями: либо смягчить аравитян, либо заключить союз с парфянами; и, под предлогом именинного праздника, он в тот самый день пригласил на великий пир главных начальников своих войск, приставов по имениям и важнейших лиц Галилеи.

Остро напряженным взором пробежал он все дороги. Они были пусты. Орлы летали над его головою. Вдоль крепостного вала солдаты спали, прислонившись к стене. Во дворце ничего не шевелилось.

Внезапно отдаленный голос, как бы выходивший из недр земли, заставил побледнеть тетрарха. Он нагнул, чтобы вернее прислушаться. Но голос умолк. Потом он опять раздался... и, хлопнув несколько раз в ладоши, Ирод закричал: "Маннаи! Маннаи!"

Появился человек, обнаженный до пояса, подобно банщику. Он был очень высокого роста, стар, страшно худ; на ляжке у него висел большой нож в бронзовых

ножнах - и так как его волосы, захваченные гребнем, были все вздеты кверху, то лоб его казался длины необычайной. Странная сонливость заволакивала его бесцветные глаза. Но зубы его блестели - и ноги легко и твердо ступали по плитам. Гибкость обезьяны сказывалась во всем его теле, - бесстрастная неподвижность мумии - на лице.

- Где он? - спросил тетрарх.

- Все там же! - отвечал Маннаи, указывая позади себя большим пальцем правой руки.

- Мне почудился его голос! - И Антипа, вздохнув глубоко до дна груди, осведомился об Иоаканаме - о том человеке, которого латиняне называют святым Иоанном Крестителем.

Приходили ли вновь те два человека, которые месяц тому назад были, по снисхождению, допущены в его тюрьму. - и стала ли известна причина их посещения?

Маннаи отвечал:

- Они обменялись с ним таинственными словами, ни дать ни взять ночные воры на перекрестках дорог. Потом, они отправились в верхнюю Галилею, объявив, что скоро вернутся с великою вестью.

Антипа наклонил голову; потом, с выражением ужаса на лице:

- Береги его! береги! - воскликнул он, - и никого не допускай до него! Запри крепко дверь! Прикрой яму! Никто не должен даже подозревать, что он еще жив!

Еще не получив этих приказаний, Маннаи уже исполнял их, ибо Иоаканам был иудей, и Маннаи, как все самаритяне, ненавидел иудеев.

Гаризинский их храм, храм самаритян, предназначенный Моисеем быть средоточием Израиля, не существовал со времен короля Гиркана; а потому иерусалимский храм наполнял душу Маннаи тою яростью оскорбления, которую возбуждает торжествующая несправедливость. Маннаи однажды тайно взобрался в иерусалимский храм с другими товарищами для того, чтобы осквернить алтарь возложением на священное место мертвых костей. Его спасло проворство ног; сообщникам его отрубили головы.

И вот он увидел ненавистный храм вдали, в разрезе двух холмов. Поднявшееся солнце ярко освещало беломраморные стены и золотые плиты крыши. Храм являлся лучезарной горой, чем-то сверхъестественным; все кругом было подавлено его великолепием, его гордыней.

Маннаи протянул руку в направлении Сиона - и, выпрямив стан, сжав кулаки, закинув лицо, произнес анафему. Он был уверен, что клятвенные слова имеют действительную силу!

Антипа равнодушно выслушал его возглас. Самаритянин продолжал:

- От времени до времени он волнуется, он хочет бежать; он надеется на освобождение. Иногда у него вид спокойный, как у больного зверя; а не то он вдруг начнет ходить взад и вперед впотьмах, беспрестанно повторяя: "Что нужды! Дабы он возвеличился, нужно мне умалиться!"

Антипа и Маннаи обменялись взорами. Но долгие размышления уже утомили тетрарха.

Все эти горы вокруг него, подобные уступам больших окаменелых волн, черные расселины на склоне крутых скатов, громадность синего неба, сильный дневной свет, глубина пропастей - все его смущало; и безнадежное уныние овладевало им при зрелище пустыни, почва которой, искаженная допотопными переворотами, являла вид обрушенных цирков и дворцов. Горячий ветер приносил вместе с запахом серы как бы испарения богом проклятых городов, зарытых глубоко, ниже берегов Мертвого моря, под тяжелыми его водами. Эти следы бессмертного гнева пугали ум тетрарха; и он пребывал недвижим, опершись обоими локтями на перила и сжимая виски руками. Кто-то слегка тронул его. Он обернулся: перед ним стояла Иродиада.

Легкий пурпурный хитон облекал ее всю до самых сандалий. Торопливо покинув свои покои, она не успела надеть ни ожерелья, ни серег; густая косьма черных волос падала ей на плечо, прильнув концом к груди, в промежутке сосцов. Вздернутые ноздри трепетали; радость торжества озаряла лицо. Громким голосом взывая к тетрарху:

- Цезарь нас любит! - промолвила она. - Агриппа посажен в тюрьму.

- Кто тебе сказал?

- Уж я знаю! Он в тюрьме, - продолжала она, - за то, что пожелал Каию быть императором.

Этот Агриппа, живя их подаянием, стремился добыть себе царский титул, которого и они домогались. Но теперь его уже нечего страшиться! Тюрьмы Тиверия отпираются не легко, и самая жизнь в них не всегда надежна!

Антипа понял ее, и хотя она была сестра этого самого Агриппы, жестокий смысл ее последних слов не возмутил его; напротив, он ее оправдывал. К тому же все эти убийства проистекали из самой силы вещей; они были как бы необходимостью в тогдашних царских домах. В доме Ирода их уже не считали... так их было много.

Затем она рассказала тетрарху все свои старания; упомянула о подкупе клиентов, о вскрытых письмах, о лазутчиках, приставленных ко всем дверям; рассказала, как ей удалось переманить главного доносчика Эвтихия - все, все сообщила она. "Я ничего не жалела! Для тебя чего я не сделала? Не отреклась ли я от собственного сына?"

После развода она оставила этого ребенка в Риме, надеясь иметь других детей от тетрарха. До того дня она никогда не упоминала об этом. И он спрашивал себя: откуда в ней этот внезапный прилив нежности - и что он значит?

Между тем прислужники натянули велариум, принесли и положили на пол широкие подушки. Иродиада опустилась на одну из них и заплакала, обернувшись спиной к мужу. Но вот она провела ладонью по векам... Она решила, что не будет думать о прошлом, что она теперь счастлива! И она принялась напоминать тетрарху долгие их беседы там, в далеком Риме, в атриуме дворца; встречи их под портиками бань, прогулки по "Священной улице" и вечера, проведенные в просторных виллах, при рокоте водометов, под цветочными арками, в виду римской Кампаньи. Она взглядывала на него, как в былые дни, и с кошачьими движениями всего тела ластилась к его груди. Он оттолкнул ее.

Та любовь, которую она старалась оживить, была теперь так от него далеко! Причиной всех его бедствий была эта любовь. По ее милости война продолжалась вот уже скоро девять лет; по ее милости тетрарх состарился. Облеченная в темную тогу с лиловой каймой, его спина горбилась; седина мелькала в бороде, и лучи солнца, проникавшие сквозь ткань натянутого покрова, озаряли живым светом его угрюмый, сморщенный лоб. На лбу Иродиады тоже виднелись складки, и, сидя друг против друга, они менялись враждебными, суровыми взглядами.

Меж тем горные дороги оживлялись. Пастухи погоняли быков острием дротиков, дети тащили за собой ослов, конюхи вели вьючных лошадей. Те, которые спускались с высот, лежащих за Махэрусом, исчезали постепенно за стенами замка; другие поднимались вдоль ущелий, ведущих к Махэрусу, - и, войдя в город, складывали свою ношу по дворам домов. То были поставщики тетрарха и слуги гостей, высланные вперед своими господами. Но вот налево, на самом конце террасы, появился эссей, босой, в белой одежде, с видом стойка. Маннаи тотчас бросился к нему навстречу, обнажив и высоко подняв свой нож.

- Убей его! - кричала Иродиада.

- Стой! - промолвил тетрарх.

Маннаи остановился; тот тоже.

Потом оба отступили, пятясь друг от друга и не покидая друг друга взглядом; и оба исчезли - каждый подругой лестнице.

- Я знаю его! - сказала Иродиада, - его имя Фануил; он старался свидеться с Иоаканамом, так как ты настолько слаб, что сохраняешь его в живых.

Антипа возразил, что из Иоаканама можно было извлечь пользу. Его постоянные нападки на Иерусалим привлекали к ним обоим остальных евреев.

- Нет! - воскликнула она. - Евреи покоряются всем своим властителям. Они не в состоянии создать себе родину. А того, кто тревожит народ, возбуждая в нем надежды, сохранившиеся со времен Гегемиаса, - того должно уничтожить. Вот самая верная политика.

- Нам не к спеху! - уверял тетрарх. - Иоаканам - опасен! Вот выдумала!!

И он смеялся притворно.

- Молчи,- крикнула она.

И она снова рассказала то унижение, которому подверглась она в день своей поездки в Гапаад для сбора бальзама. На берегу реки какие-то нагие люди надевали свои одежды. Тут же, на вершине холма, стоял человек и говорил. Он был препоясан по чреслам верблюжьей кожей - и его голова походила на голову льва. - Как только он увидел меня, - продолжала Иродиада, - он изрыгнул на меня все проклятия пророков. Его зеницы пылали, голос завывал; он поднимал руки к небу, как бы желая достать оттуда громовые стрелы. Бежать было невозможно; колесница моя до самых ступиц завязла в песке... И я поневоле медленно удалялась, закрываясь мантией, - и вся кровь моя стыла от оскорблений, которые сыпались на меня, как дождевой ливень!

Иоаканам не давал жить Иродиаде! Когда его схватили и связали веревками - солдатам дан был приказ зарезать его, если б он вздумал сопротивляться. Но тут он, как нарочно, явился смиренником. В его тюрьму напустили змеи, - змеи околели.

Неудача ее козней выводила из себя Иродиаду. Зачем он нападал на нее? Что его побуждало? Его речи, обращенные к толпе, распространялись повсюду, их повторяли, - она слышала их везде, - они наполняли воздух. Она не была лишена мужества - но эта сила, более язвительная, чем лезвие мечей, сила, которую невозможно было схватить, наводила на нее нечто вроде оцепенения. Иродиада расхаживала взад и вперед по террасе, вся помертвелая от гнева, не находя слов, чтобы выразить все, что душило ее.

Она думала также о том, что тетрарх, уступая общему мнению, мог, пожалуй, развестись с нею. Тогда все погибло! С самых младых ногтей она питала мечту о великом царстве. Только для того, чтобы осуществить эту мечту, решила она оставить своего первого мужа и соединиться с ним, с этим человеком, который ее обманывает.

- Хорошую я нашла подпору, нечего сказать, войдя в твою семью!

- Моя семья не хуже твоей, - спокойно отвечал тетрарх.

В жилах Иродиады внезапно закипела кровь ее прадедов, первосвященников и царей!

- Твой дед подметал храм в Аскалоне! Другие твои родичи были пастухами, разбойниками, поводырями караванов! Сволочь, платившая дань Иуде со времен царя Давида! Все мои предки били твоих предков! Первые из Маккавеев выгнали вас из Геброна; Гиркан принудил вас обрезать! И, дав волю чувству презрения, презрения патрицианки к плебею, рода Якова к роду Эдома, Иродиада начала осыпать Антипу упреками за его равнодушие к оскорблениям, за его уступчивость перед предателями, фарисеями, за его трусость перед народом, который его ненавидел.

- Ты такой же, как они, - признайся! И ты сожалеешь о том, что оставил аравийскую девку, ту, что пляшет вокруг камней! Возьми же ее опять! Ступай и живи в ее холщовой палатке! Пожирай ее хлеб, испеченный под золою! Глотай кислое молоко ее овец! Лобызай ее синие щеки - и оставь меня!

Но тетрарх уже не слушал ее. Он устремил глаза на плоскую крышу соседнего дома, где внезапно увидел молодую девушку; рядом с нею старуха держала зонтик с тростниковой ручкой, длинный, как рыбацье удище. Посредине ковра стоял раскрытый дорожный короб; пояса, спутанные ткани, разноцветные покровы, золотые подвески в

беспорядке свешивались через его края. От времени до времени молодая девушка наклонялась к этим предметам, встряхивала их на воздухе. Она была одета римлянкой - в тонкую тунику и в пеплум с застежками из изумруда; синие перевязки удерживали ее косу, вероятно, очень тяжелую: девушка изредка трогала ее сзади рукою. Тень от зонтика колебалась над нею, скрывая ее до половины. Раза два удалось Антипе заметить ее гибкую шею, угол глаза, часть небольшого рта. Но он мог видеть весь ее стан от бедер до затылка. Он видел, как он склонялся и выпрямлялся - легко и упруго. Он караулил возврат этого стройного движения - и дыхание его становилось усиленным, огоньки зажигались в глазах. Иродиада наблюдала за ним.

- Кто это? - спросил он наконец.

Она отвечала, что не знает... и, внезапно утихнув, удалилась.

Тетрарха ожидали под портиком галилеяне: заведовавший письменной частью, главный пристав над пастбищами, управляющий соляными копиями и еврей из Иерусалима, начальник его конницы. Все приветствовали его дружным восклицанием... Но он обратился к внутренним покоям.

Фануил возник перед ним на повороте коридора.

- Опять ты! Ты, конечно, пришел сюда ради Иоаканама? - И ради тебя! Мне нужно сообщить тебе важное известие...

И, не покидая более Антипу, он проник вслед за ним в темную храмину.

Свет падал в нее сквозь решетчатое отверстие, расстилаясь во всю длину карниза. Стены были выкрашены красно-лиловой, почти черной краской. У задней стены возвышалось ложе из черного дерева с тесьмами из бычачьей кожи. Золотой щит блистал, как солнце, над изголовьем.

Антипа перешел всю храмину и бросился на ложе. Фануил, стоя, поднял руку с внушительным и вдохновенным видом.

- Всевышний посылает иногда одного из чад своих... Иоаканам - такое его чадо. Если ты будешь притеснять его, - тебя постигнет кара.

- Он преследует меня, - воскликнул тетрарх. - Он потребовал от меня невозможного! С тех пор он всячески меня поносит. Сначала я кротко с ним обращался... Но он послал из Махэруса людей, которые возмущают моих подданных. Он нападает на меня... Я защищаюсь.

- Иоаканам слишком ретив в гневе, точно, - возразил Фануил. - Но как бы то ни было, его надо освободить!

- Диких зверей не выпускают на волю, - сказал тетрарх.

- Не тревожься более! - отвечал Фануил. - Он пойдет к аравитянам, к галлам, к скифам. Делу, к которому он призван, суждено достигнуть пределов земли.

Антипа казался погруженным в некое видение.

- Его власть велика! Я, против собственной воли, люблю его.

- Так освободи его!

Тетрарх покачал головою. Он боялся Иродиады, Маннаи... он страшился неизвестного будущего!

Фануил попытался убедить его. Залогом правдивости слов своих он представлял постоянную покорность ессеев царям. Эти люди, бедные, недоступные страху пытки и казни, покрытые льняной одеждой, умевшие читать в книге звездного неба, внушали невольное уважение. Антипа вспомнил слово, сказанное Фануилом в начале разговора.

- Какое важное известие хотел ты сообщить мне? Но вдруг появился негр. Все его тело побелело от пыли. Он хрипел от усталости и мог только произнести:

- Вителлий!

- Как? Он сюда идет? - Я видел его... Через три часа он здесь!

Занавесы коридоров заколыхались, как бы вздутые ветром, шум наполнил весь замок, топот и грохот бежавших людей, перетаскиваемых мебели, лягг и звон

серебряных сосудов... а с вышины башен зычно гремели трубы, призывавшие разбредшихся рабов.

II

Толпы народа покрывали крепостные валы, когда Вителлий вошел во двор замка. Он опирался об руку своего толмача; следом за ним подвигались большие носилки, обитые красной тканью, украшенные зеркалами и помпонами. Вителлий был одет в тогу с широкою пурпуровою каймою, в консульские полусапожки; ликторы окружали его особу.

Они вонзили в землю перед дверью двенадцать пучков прутьев, перевитых ремнем, с топором посередине... и все зрители тайно вострепетали перед величием римского народа.

Носилки, которыми орудовали восемь человек, остановились... Юноша, с толстым животом, с лицом угреватым, с жемчужными кольцами на пальцах, вышел оттуда. Ему тотчас предложили кубок с вином и душистыми пряностями. Он выпил и потребовал еще. Между тем тетрарх упал на колени перед проконсулом, сокрушаясь о том, что не был раньше уведомлен о великой милости его прибытия. А то бы он, тетрарх, отдал приказ, чтобы по всем дорогам было припасено то, что подобает Вителлиям. Они происходили от богини Вителлин; дорога, ведущая от Яникула к морю, носила их имя; квестурам, консульствам не было счету в их роде! Что же до самого Люция, ставшего теперь гостем тетрарха, то все ему были обязаны благодарностью, как победителю строптивых клитов и отцу того юного Авла, который, прибыв сюда, казалось, возвращается в свое владение - так как Восток всегда считался родиной богов! - Все эти гиперболы были высказаны тетрархом по-латыни - Вителлий принимал их холодно и спокойно.

Он отвечал наконец, что одного Великого Ирода достаточно для славы целого народа. Афиняне почтили его заведованием олимпийских игр. Он построил храмы в честь Августа и отличался всегда терпением, смысленностью, воинской доблестью и постоянной верностью цезарям. Между колоннами с бронзовыми капителями появилась Иродиада. Она шествовала с видом императрицы, окруженная женщинами и евнухами; они несли золотые подносы, на которых курились благовония.

Проконсул шагнул три раза ей навстречу. Приветствовав его легким наклоном головы:

- Какое счастье! - воскликнула она, - что Агриппа, враг Тиверия, вперед не может вредить более!

Вителлин ничего не знал об этом событии. Иродиада показалась ему опасной... и так как Антипа начал клясться богами, что сделает все для императора:

- Да, - прибавил проконсул, - даже во вред другим.

(Вителлию некогда удалось добыть заложников от парфянского царя; но император не обратил внимания на эту заслугу - ибо Антипа, присутствовавший при совещании, немедленно, чтобы выставить себя, первый послал об этом весть. Этот поступок тетрарха породил глубокую ненависть в Вителлин; оттого он и мешкал привести обещанную помощь.)

Тетрарх смутился и не знал, что сказать; но Авл промолвил со смехом:

- Не бойся! Я твой покровитель!

Проконсул притворился, что не слышал слов, сказанных его сыном. Счастье отца зависело от осквернения сына; и этот Авл, этот цветок, возросший на грязи Капреи, доставлял ему такие значительные выгоды, что он окружал его самыми предупредительными заботами, хоть и не доверял ему: цветок этот был ядовит.

Под воротами поднялся громкий шум. Появился целый ряд белых мулов, на которых восседали люди в священнической одежде. То были саддукеи и фарисеи, которых одна и та же честолюбивая мысль приводила в Махэрус.

Саддукеи желали получить право жертвоприношения, а фарисеи - удержать это право за собою. Лица этих людей были мрачны, особенно лица фарисеев, прирожденных

врагов тетрарха и Рима. Они путались в полах своих хламид среди теснившейся толпы - и тиары их колебались на их головах, подвязанные узкими лентами, на которых были начертаны письменные знаки.

Почти в то же время прибыли солдаты римского авангарда. Они вложили щиты свои в мешки, чтобы сохранить их от пыли, - а за ними шел Маркелл, наместник проконсула, вместе с мытарями, державшими под мышками деревянные таблицы.

Антипа представил проконсулу главных своих приближенных: Толмаия, Карфера, Сехона, Аммонияса из Александрии, который закупал для него асфальт, Наамана, начальника его легкой пехоты, вавилонца Ясима.

Вителлин уже прежде заметил Маннаи.

- А этот кто?

Тетрарх объяснил ему знаком, что это был палач. Потом он представил Вителлию саддукеев.

Ионафан, человек малого роста, весьма развязный в своих движениях и говоривший по-эллински, начал умолять проконсула посетить его в Иерусалиме. Тот отвечал, что, вероятно, туда прибудет.

Элеазар, человек с крючковатым носом и длинной бородою, стал требовать от имени фарисеев плащ первосвященника, задержанный в Антониевой башне гражданской властью.

Затем галилеяне подали донос на Понтия Пилата. Пользуясь тем предлогом, что некий безумец отыскивал золотые сосуды Давида в пещере близ Самарии, он повелел убить нескольких жителей. Все они говорили в одно и то же время - Маннаи громче и настойчивее других. Вителлий уверял их, что виновные будут наказаны.

Внезапно бранные слова и крики раздались перед одним из портиков, где солдаты повесили свои щиты. Они сняли с них чехлы - и фигура цезаря, изображенная на пупе каждого щита, возбудила негодование иудеев, считавших это идолопоклонством. Антипа начал их усовещивать речью - а Вителлий, сидевший под колоннадой на высоком кресле, дивился их неразумной ярости. "Да, - думал он, - Тиверий был прав, что сослал четыре сотни таких иудеев в Сардинию. Но здесь они были у себя дома - они были сильны"... Вителлий приказал унести щиты.

Но тут они все окружили проконсула, испрашивая - кто отмены какой-либо несправедливости, кто - особых привилегий, кто - просто милостыни. Они рвали свои одежды, продирались вперед; чтобы удержать их, рабы били их палками - направо, налево. Ближайшие к дверям стали спускаться по дороге - но другие поднимались по ней и снова надвигали их на проконсула. Два течения образовалось в этой массе людей, которая грузно колебалась, стесненная оградой стен.

Вителлий спросил, какая была причина такого многочисленного собрания? Антипа ответил, что все эти люди пришли на праздник его именин, - и указал на некоторых слуг своих. Свесившись с бойниц, втаскивали они на веревках огромные корзины, полные мясами, плодами, овощами. Он указал еще на антилоп, аистов, широких рыб лазоревого цвета, на виноградные гроздья, дыни, тыквы, гранаты, нагроможденные в виде пирамид. Авл не выдержал. Он устремился в кухню, увлеченный тем обжорством, которому, много лет спустя, было суждено удивить целый мир.

Проходя мимо погреба, он увидел кастрюли, подобные двойным латам. Вителлий также подошел посмотреть на них - и потребовал, чтобы ему отперли подземные комнаты замка.

Они были высечены в скале - в виде высоких подвалов со сводами, которые подпирались столбами. В первой комнате находился склад старого, уже негодного оружия. Но вторая была битком набита пиками; тесно и дружно торчали их острия, охваченные пучками перьев. Стены третьей комнаты казались обтянутыми множеством циновок: до того густо были насажены кругом тонкие стрелы, стоямя, друг возле дружки. Лезвия мечей покрывали стены четвертой комнаты. Посреди пятой - длинные линии

шлемов с их гребнями уподоблялись легиону красных змей. В шестой комнате находились одни колчаны, в седьмой - одни ножные латы (кнэмиды), в восьмой налокотники, в остальных - вилы, крюки, лестницы, канаты; тут были даже шесты для катапультиров, даже бубенчики для верблюжьих нагрудников... И так как гора шла, расширяясь книзу, вся пробуравленная изнутри, как пчелиный улей, то под одним рядом комнат расстился другой, а еще глубже - третий.

Вителлий, Финеас, его толмач, и Сизённа, начальник мытарей, проходили все эти комнаты при свете факелов, несомых тремя евнухами. Смутно виднелись в тени безобразные предметы, изобретенные варварами: палицы, усеянные гвоздями, отравленные дротики, клещи, подобные челюстям крокодилов... Тетрарх обладал в Махэрусе военными снарядами, достаточными для вооружения сорока тысяч солдат. Он собрал все эти снаряды в предвидении опасного союза противников; но проконсул мог подумать или даже сказать, что это все было наготовлено с целью воевать против римлян; и тетрарх старался представить оправдания, извинения.

Не все оружия ему принадлежали. Многие служили защитой от разбойников. Кроме того, нужно было сражаться с аравитянами. Иное досталось ему от отца. И вместо того, чтобы идти позади проконсула, тетрарх бежал вперед уторопленными шагами. Он вдруг прислонился к стене, растягивая тогу растопыренными локтями. Но верхняя часть двери виднелась над его головою. Вителлий заметил эту дверь - и захотел узнать, что скрывается за нею?

Вавилонец мог один отворить ее.

- Позвать вавилонца!

Его подождали.

Отец этого вавилонца прибыл с берегов Эвфрата с пятьюстами всадников. Он предложил Великому Ироду свои услуги для защиты восточных окраин. После разделения царства Ясим остался жить у Филиппа, - а теперь служит Антипе.

Он явился наконец, с луком на плече, с бичом в руке. Разноцветные бечевки тесно стягивали его кривые ноги. Туника в виде поддевки не покрывала его обнаженных толстых рук; меховая шапка бросала черную тень на хмурое лицо и на бороду, завитую в колечки.

Сначала он притворился, что не понимает толмача. Но Вителлий глянул на Антипу... и тот немедленно повторил его повеление. Тогда Ясим приложился обеими руками к двери: скользнув, она вошла в стену.

Струю теплого воздуха пахнуло из мрака. Широкий коридор, спускаясь винтообразно, вел вглубь. Все отправились по этому коридору и достигли порога пещеры, более просторной, чем все другие подземелья.

На противоположном конце этой пещеры зияло отверстие арки, выходившей на самую круч бездны, которая с той стороны защищала крепость. Дикая жимолость, цепляясь за свод арки, колебалась на прозрачном воздухе свои цветочные гроздья, озаренные живым светом дня; по дну пещеры журчала узкая струйка ключевой воды.

Около сотни белых лошадей находилось там; они ели ячмень, насыпанный на доску, поднятую в уровень с их мордами. Гривы их были окрашены в синюю краску; копыта - обернуты в плетеные мягкие мешочки; челки между ушами вздымались хохолком в виде париков. Своими длинными хвостами они тихонько похлопывали себя по берцам. Проконсул онемел от удивления.

То были дивные животные, гибкие как змеи, легкие как птицы. Они мчались, не отставая от стрелы, пущенной всадником, сбивали с ног людей, грызли их зубом, мигмом высвобождались из нагроможденных камней и скал, прыгали через пропасти, а среди ровного поля неслись как бешеные, без усталости, от зари до зари. Стоило сказать одно слово - и они тотчас останавливались как вкопанные. Как только Ясим вошел в пещеру, они все побежали к нему, как овцы к пастуху, - и, вытягивая тонкие шеи, тревожно глядели на него своими детскими глазами. По привычке он крикнул на них диким,

гортанным криком; этот звук их развеселил - и они стали вздыматься на дыбы, прыгать... Жажда простора, жажда скачки в них загорелась.

Антипа, боясь, как бы проконсул не взял их себе, запер их в этом месте, особо предназначенном для животных в случае осады.

- Нехорошая конюшня, - сказал проконсул. - Ты рискуешь потерять их. Запиши их в инвентарь, Сизенна.

Мытарь достал дощечку из-за пояса, перечел лошадей и записал их. Агенты фискальных обществ подкупали правителей, чтобы удобнее грабить провинции. И этот Сизенна, с своей лисьей мордочкой и вечно мигавшими глазками, разнюхивал все и всюду.

Наконец все возвратились на двор замка. Бронзовые круглые доски, затычки вроде плоских вьюшек прикрывали разбросанные там и сям цистерны. Проконсул заметил одну из этих досок, которая была шире других и глуше звенела под каблуком. Он поочередно постукал по всем - и вдруг затопал ногами, заревел неистово:

Нашел! нашел! Вот они, Иродовы сокровища!

Отыскать эти сокровища - эта мысль как гвоздь засела в голову каждого римлянина. Тетрарх поклялся, что никаких сокровищ тут не было.

- Так что же тут такое?

- Ничего... человек один... узник.

- Покажи его! - сказал Вителлин.

Тетрарх не повиновался. Иудеи узнали бы его тайну.

Его явное нежелание открыть эту доску раздражило Вителлия.

- Выбить ее! - закричал он ликторам.

Маннаи догадался, в чем было дело. Увидав принесенный топор, он подумал, что хотят обезглавить Иоаканама; и при первом ударе лезвия о бронзовую плиту - он всунул между ею и камнями мостовой длинный крюк; затем, вытянув и напрягши свои худые, жилистые руки, осторожно приподнял плиту... Она отвалилась. Все изумились силе старика. Под этой бронзовой крышкой, подбитой деревом, показался трап. Маннаи ударил по нем кулаком - и он распался на две створчатые половинки. Открылась яма, черная, глубокая дыра, в которую вонзалась узкая круглая лестница без перил; и те, которые нагнулись над отверстием, увидели там, глубоко на дне, что-то смутное и ужасное.

Человек лежал там на земле. Его длинные волосы перепутались с шерстью звериной шкуры, облекавшей его члены. Он поднялся. Его лоб коснулся поперечной железной решетки, крепко вделанной в стены ямы... От времени до времени он отходил прочь и исчезал во тьме подземелья.

Острые верхушки тиар, рукоятки мечей сверкали на солнце; тяжелый зной раскалил плиты мостовой - и голуби, слетая с карнизов, кружили над двором. То был обычный час, когда Маннаи кормил их зерном. Он присел на корточки перед тетрархом, который стоял недвижно возле Вителлия. Галилеяне, священники, солдаты составляли сзади широкий круг - все молчали в немотствующем ожидании.

Сперва послышался глубокий вздох, похожий на хриплое, протяжное рычание.

Иродиада услышала этот вздох на другом конце дворца. Охваченная неотразимым влечением, она прошла сквозь всю толпу, и, положив руку на плечо Маннаи, наклонив вперед все тело, она принялась слушать.

Голос заговорил:

"Горе вам, фарисеи и саддукеи, исчадье змей, меха надутые, кимвалы звенящие!"

Все узнали Иоаканама... все повторяли его имя.

Много еще подбежало народу.

"Горе тебе, народ, горе вам, иудейские изменники, пьяницы эфраимские, горе вам, живущим в тучных долинах, вам, чьи путаются ноги, отягченные винищем!.."

"Да расточатся они, как вода иссякающая, как истлевающий червь, как недоносок женщины, которому не суждено увидеть солнца!.."

"О Моав, тебе придется скрываться в ветвях кипариса, подобно воробью, в тьме пещер, подобно тушканчику! Как ореховая шелуха, раздробятся ворота крепостей, и рухнут стены, и вспыхнут города! Бич Всевышнего разить не перестанет! В твоей же крови вываливает он твои члены, словно шерсть в чану красильщика! Он истолчет тебя, как зерно в ступе; как новая борона терзает грудь земли - так он тебя истерзает; по горам и долам разбрасает он клочья твоего мяса!.."

О каком завоевателе говорит он? - спрашивали себя слушатели. - Не о Вителлине ли? Одни римляне могли совершить такие истребления!

И жалобы возникали кругом, раздавались стенания:

- Довольно! довольно! вели ему замолчать!

Но Иоаканам продолжал еще громче:

"Хватаясь за трупы своих матерей, малые дети будут ползти по горячему пеплу! Ночью, под страхом и на авось меча, люди пойдут искать посреди развалин огрызки хлеба! На площадях городских, там, где некогда беседовали старцы, чекалки станут оспаривать друг у друга мертвые кости! Глотая слезы, юные девы будут играть на лютнях перед пирующими иноземцами, и самые храбрые сыны твои, о Моав! - преклонят хребты под непосильными ношами!"

Столпившийся народ безмолвно слушал эти заклинания - и перед его духовными очами возникали дни изгнания, бедствия и напасти прошедших времен. Точно такие речи гремели в устах древних пророков. Иоаканам посылал свои возгласы один за другим, с расстановкой - словно наносил удары.

И вдруг его голос стал тихим, сладкозвучным, певучим. Он предвещал скорое освобождение, царство справедливости, милости, благополучия. Небеса засияют непреходным сиянием, в пещере дракона родится младенец, золото заступит место глины, пустыня расцветет пышнее розы! То, что теперь стоит шестьдесят гиккасов, не будет стоять больше оболы. Молочные источники заструятся из недра скал - все люди, довольные, пресыщенные, будут опочивать в тени виноградных лоз!..

"Когда же придешь Ты, кого я ожидаю! Уже теперь все народы преклоняют колени - и царствию Твоему не будет конца, о Сын Давида!"

Тетрарх откинулся назад. Существование Давидова Сына оскорбляло его как угроза.

Иоаканам начал поносить его за его владычество (нет другого владыки, кроме предвечного!) - за его сады, его статуи, его театры, за его утварь из слоновой кости... Он поносил его как безбожного Ахава!

Антипа схватился за грудь, и, перервав шнурок, на котором висела его печать, швырнул ее в яму - и приказал ему молчать.

Но голос отвечал:

"Я буду кричать, как рычит медведь, как онагр кричит, как женщина в муках родов! За кровосмешение твое тебя уже постигло наказание! Бог покарал тебя бесплодием мула!"

Быстрый смех промчался в толпе, подобный плесканию волн.

Вителлий упорствовал, не хотел уйти. Толмач, с бесстрастным видом, передавал на языке римлян все оскорбления, которые Иоаканам изрекал на своем языке, - и таким образом тетрарх и Иродиада принуждены были выслушивать их два раза сряду.

Тетрарх задыхался от бешенства; она глядела на дно ямы, вся помертвевшая, с раскрытыми губами. Ужасный человек закинул назад голову - и, ухватившись за железные прутья решетки, прижал к ней свое волосатое лицо, походившее с виду на спутанный куст, в котором сверкали два угла.

"А, это ты, Иезавель! Скрып твоих сандалий завладел его сердцем! Ты ржала от похоти, как кобылица! Ты поставила ложе свое на вершине горы и там совершала свои

жертвы!.. Но Господь сорвет с тебя твои серьги, твои пурпуровые одежды, твои льняные покровы! Он сорвет запястья с рук твоих и кольца с ног твоих, и те подвески, те золотые серпы, которые дрожат и блещут на челе твоём, и серебряные твои зеркала и вееры из страусовых перьев, и те перламутровые высокие подошвы, на которые ты ставишь свои ноги, и краску ногтей твоих, и все ухищрения неги твоей! Все Он отнимет насильно, жестоко - и не хватит камней, чтобы побить тебя всю, кровосмесительница!"

Иродиада оглянулась кругом, как бы ища защиты. Фарисеи с притворным сожалением опускали взоры, саддукеи отворачивали головы, боясь оскорбить проконсула. Антипа казался мертвым человеком.

А голос все рос, все возвышался. Он перекачивался отрывисто, как внезапно разразившийся гром, - и эхо гор повторяло молниеносные звуки, которыми он так и поражал Махэрус!

"Пресмыкайся в пыли, дочь Вавилона! Мели муку! Сбрось твой пояс, сними твою обувь, засучи край твоей одежды, перейди через реки... Ничто не спасет тебя! Стыд твой будет открыт, позор твой увидят все люди! Твои же рыдания сокрушат твои зубы! Всевышнему мерзит вонь твоих преступлений! Проклятая! Проклятая! Околевай, как псица!"

Но тут трап закрылся, крышка захлопнулась... Маннаи готов был задушить Иоаканама.

Иродиада исчезла; фарисеи были возмущены. Стоя посреди их, Антипа старался оправдаться.

- Конечно, - заметил Элезар, - следует заключать брак с овдовевшей женой своего брата; но Иродиада не была вдовой - и, сверх того, у ней жив ребенок; а в этом-то и состоит вся мерзость греха.

Неправда! Заблуждение! - возражал саддукей Ионафан. - Закон осуждает подобные браки, но не отвергает их вовсе.

- Как вы ни толкуйте, вы все несправедливы ко мне, - твердил Антипа. - Разве Авессалом не сочетался с женами своего отца, Иуда со своей невесткой, Аммон с своей сестрой, Лот с дочерьми своими? В это мгновение появился Авл, который уже успел выпастись. Узнав, о чем шла речь, он одобрил тетрарха. "Стоило стесняться из-за подобных пустяков!" И он много смеялся - и укоризнам священников и ярости Иоаканама.

Иродиада, с высоты крыльца, обратилась к нему:

- Ты напрасно так говоришь, о господин! Он приказывает народу не платить даней.

- Правда это? - тотчас спросил мытарь. Все отвечали утвердительно. Тетрарх с своей стороны подкреплял их слова доказательствами.

Виталлию пришло в голову, что узник мог убежать, и так как поведение Антипы ему казалось сомнительным, то он повелел поставить стражу у всех дверей, вдоль стен, на дворе.

Затем - он отправился в свои покои. Выборные от священников пошли за ним. Не касаясь вопроса о жертвоприношении, они излагали свои жалобы. Они наскучили ему... он велел им удалиться.

Уходя от проконсула, Ионафан увидел возле одной из бойниц Антипу. Он разговаривал с человеком длинноволосым, одетым в белый хитон, с ессеем... Ионафан в душе пожалел о том, что поддержал тетрарха.

Одна мысль утешала Антипу, - Иоаканам уже не зависел от него более: римляне взяли его караулить... Какое облегчение! Фануил расхаживал в это время по брустверу. Он позвал его - и, указав на солдат:

- Они сильнее меня, - сказал тетрарх. - Я не могу теперь его освободить... Это не моя вина!

Меж тем двор опустел. Рабы отдыхали. На красном поле неба, зажженного вечерней зарей, малейшие отвесные предметы выделялись черными чертами. Антипа мог различить соляные копи по ту сторону Мертвого моря; аравийских палаток не было

видно более. "Вероятно, они откочевали?" Луна всплывала - и в сердце его спустилось успокоение.

Фануил, как человек, подавленный горем, пребывал недвижим, уронив на грудь подбородок. Он высказал наконец то, что хранил на душе.

С самого начала месяца он наблюдал и изучал небо. Созвездие Персея находилось в зените, Агала едва показывался, Альголь блестел слабым блеском, Мира-Коэти совсем исчез; и Фануил заключал из всего этого, что нынешней же ночью, в Махэрусе, должен покончить жизнь важный человек.

Но кто? Вителлин окружала его стража; Иоаканам не будет казнен...

"Уж не я ли тот человек? - думалось тетрарху. - Быть может, аравитяне возвратятся? А не то - проконсул откроет мои сношения с парфянами?"

Иерусалимские клеветы сопровождали священников - под одеждами они скрывали кинжалы..." Тетрарх не сомневался в мудрости и познаниях Фануила.

Не прибегнуть ли к Иродиаде? Спору нет - он ее ненавидит... но она придаст ему мужества. К тому же не были еще порваны все нити чар, которыми она некогда его опутала.

Когда он вошел в ее комнату, в порфировой вазе курился киннамон; и всюду были разбросаны склянки с духами, благовонные порошки, ткани, подобные облакам, вышитые кисеи легче перьев.

Тетрарх слова не проронил - ни о предсказании Фануила, ни о страхе, который внушали ему аравитяне и евреи. Он упомянул только о римлянах. Вителлий не сообщил ему ни одного из своих военных планов. Он подозревал, что Вителлий друг Кая, которого посещает Агриппа. Он боялся, что его, тетрарха, сошлют в ссылку - а может быть, и зарежут.

Иродиада, с презрительною снисходительностью, старалась его успокоить. Видя, что слова ее мало действуют, она вынула из небольшого ящичка медаль странной формы, украшенную головою Тиверия в профиль. Ликторы должны были побледнеть при виде этой медали; все обличители - умолкнуть.

Благодарный, растроганный Антипа спросил, каким образом она достала эту медаль?

- Мне ее дали, - отвечала она.

Вдруг из-под занавеса двери выдвинулась обнаженная до плеча рука, рука молодая, прекрасная, словно выточенная Поликлетом из слоновой кости. Несколько неловко, но красиво, двигалась эта рука по воздуху, вправо и влево, ища, стараясь захватить тунику, оставленную на небольшой скамье, возле стены.

Старуха прислужница тихонько подала эту тунику за дверь, приподняв занавес.

Тетрарху что-то внезапно вспомнилось... но что именно - он не мог сказать.

- Эта рабыня тебе принадлежит? - спросил он наконец.

- Какое тебе дело! - отвечала Иродиада.

III

Гости наполняли залу, где совершалось пиршество. Она, распадалась на три придела, подобно базилике; их разделяли колонны из алгуминного дерева с бронзовыми капителями, с изящными украшениями. Две галереи с прорезным полом опирались на эти колонны - а третья, вся из золотой филигрании, округлялась на конце залы, прямо напротив громадной арки входа.

Пылавшие канделябры на столах, поставленных во всю длину залы, возвышались огненными кустами между чашами из крашеной глины, медными блюдами, тисненными грудами снега, кучами винограда. Эти красные пятна света постепенно сливались в отдалении, подавленные вышиною потолка; лучистые точки сверкали в трибунах, между древесными ветвями, подобно ночным звездочкам.

Сквозь отверстие входа виднелись факелы, зажженные на террасах домов. Антипа задавал пир друзьям своим, народу, всякому, кто желал быть гостем.

Рабы, обутые в войлочные сандалии, кружили быстрее псов, с подносами на руках. На золотой трибуне третьей галереи на особо устроенном помосте из жимолостных досок стоял проконсульский стол. Вавилонские ковры, подвешенные к потолку, образовали кругом нечто вроде павильона.

Три ложа из слоновой кости, одно на почетном месте, два по бокам, окружали стол. На них возлежали: проконсул налево, возле двери, Авл направо, тетрарх посередине. На нем был тяжелый черный плащ, весь расшитый разноцветными накладками; румяна покрывали его щеки, борода раскинулась веером, венец из драгоценных камней сжимал волосы, посыпанные пудрой лазоревого цвета. Вителлий сохранил свою пурпуровую перевязь; косвенно пересекала она его льняную тогу. Авл велел повязать себе за спину рукава своей лиловой шелковой ризы, исполосованной серебряными галунами; в три ряда поднимались его завитые кудри - и сапфирное ожерелье блистало на его груди, белой и тучной, как грудь женщины. Подле него, на циновке, скрестив ноги, сидел чрезвычайно красивый ребенок, который постоянно улыбался. Авл увидел его в кухне - и не мог уже с ним расстаться. Не будучи в состоянии запомнить его халдейское имя, он назвал его просто Азиатом (Asiaticus). От времени до времени Авл опускался навзничь на свое ложе - и тогда его голые ноги, высоко поднятые, царили надо всем собранием.

С той же стороны находились священники и офицеры Антипы, иерусалимские жителя, главные лица греческих городов; а со стороны проконсула и пониже его - Маркелл с мытарями, собирателями податей, друзья тетрарха, важные особы из Каны, Птолемаиды, Иерихона; дальше сидели, уже без чинов, горцы с Ливанова, старые воины Ирода Великого, двенадцать фракийцев, идумейские пастухи, султан Пальмиры, эзиугаверские моряки. Перед каждым гостем лежала лепешка из мягкого теста, о которую он утирал пальцы, - и жадные руки беспрестанно протягивались, как пигарговы шеи, за оливками, фисташками, миндалинами. Все лица, увенчанные цветами, сияли веселием.

Фарисеи отказались от этих венков, как от римского нечестья. Они содрогнулись, когда их окропили смесью галбана и ладана; жидкость эта употреблялась только для священных обрядов храма.

Авл натер ею свои мышки - и Антипа обещал прислать ему целый корабль, нагруженный этим составом, вместе с тремя корзинами той настоящей мастики, которая возбуждала в Клеопатре желание присвоить себе Палестину.

Один из начальников Тивериадского гарнизона, только что прибывший в Махэрус, поместился позади тетрарха и, казалось, сообщал ему вести о событиях необыкновенных. Но все его внимание было поглощено проконсулом, а также и тем, что говорилось на соседних столах. Там толковали об Иоаканаме и о подобных ему людях. Приводились разные факты. - Симеон из Гиттоя, например, омывал грехи огнем. Некий Иисус...

- Этот хуже всех, - заметил Элеазар. - Презренный обманщик!

Позади тетрарха вдруг поднялся человек, бледный, белый, как кайма его собственной хламиды. Он сошел с помоста - и, обратившись к фарисеям:

- Вы лжете! - воскликнул он. - Иисус творит чудеса!

Антипа пожелал увидеть этого Иисуса.

- Зачем ты не привел его? Сообщи о нем, что знаешь.

Тогда тот рассказал, как он, Яков, имея дочь больную, отправился в Капернаум для того, чтобы умолить учителя излечить ее. И учитель отвечал ему: "Ступай домой; твоя дочь здорова". И он, Яков, возвратясь, нашел дочь свою на пороге дома... Она покинула свое ложе, когда "гномон" дворца показывал третий час, самый тот час, когда он приступил к Иисусу.

Но фарисеи представили возражения.

- Конечно, - говорили они, - существуют известные действия, травы, одаренные чародейною силою. В самом Махэрусе иногда можно было найти траву "Баарас", которая делает человека неуязвимым. Но вылечить больного, не видев и не коснувшись его... какая нелепость! Одно разве: Иисус призывает в помощь демонов?

И друзья Антипы, начальствующие люди между галилеянами, повторяли, качая головами:

- Да, демонов... это несомненно.

Яков, стоя между их столом и столом священников, Сохранял тот же вид, надменный - и кроткий.

- Говори же, говори! - приставали они к нему, - доказывай его могущество!

Он нагнулся, приподнял плечи - и чуть слышным голосом, медленно, как испуганный человек:

- Вы разве не знаете, что он Мессия? - сказал он.

Все священники переглянулись, а Вителлий потребовал объяснения этого слова. Толмач, прежде чем ответить, помолчал с минуту.

- Евреи называют этим именем, - объяснил он наконец, - освободителя, который наградит их обладанием всех благ земных и владычеством над остальными народами. Иные утверждают даже, что следует ожидать двух Мессий. Один будет побежден Гогом и Магогом, северными демонами; но другой истребит князя зла; и вот уже несколько столетий, как они ежечасно его ожидают.

Между тем священники поговорили между собою - и Элеазар попросил слова.

- Во-первых, - так начал он, - Мессия будет сын Давида, а не плотника. Во-вторых: он утвердит закон, а этот назарянин его разрушает.

- Главное же возражение Элеазара состояло в том, что Мессии должен предшествовать Илия-пророк.

- Но он уже пришел, Илия! - вскричал Яков.

- Илия! Илия! - повторила толпа до самого конца залы.

И воображению всех немедленно представилась целая картина: старец под тучею вранов, небесный огонь, падающий на алтарь, идолопоклоннические жрецы, низвергнутые в бурный поток... Женщины в трибунах вспоминали о сарептской вдовице.

Но Яков продолжал настойчиво утверждать, что он его видел! Он его видел! И весь народ его видел!

- Его имя! имя!

Тогда он закричал изо всех сил:

- Иоаканам!

Антипа опрокинулся назад, словно что ударило его прямо в грудь. Саддукеи ринулись на Якова. Среди шума и гама Элеазар разглагольствовал, возвышая голос, силясь привлечь к себе внимание.

Когда наконец тишина восстановилась, он закутался в свой плащ и, как судья, стал ставить вопросы:

- Ведь пророк Илия умер?

Смятенный ропот прервал его. Многие были убеждены, что Илия только исчез, а не умер. Элеазар вспылал... однако продолжал свой допрос:

- Ты полагаешь, что он воскрес?

- А почему же нет? - отвечал Яков.

Саддукеи пожимали плечами, а Ионафан, вытараща глаза, усиленно старался смеяться, словно шут какой. Что могло, дескать, быть глупее притязания брэнного тела на вечную жизнь? И он продекламировал, ради проконсула, стих современного поэта.

Nec crescit, pes post mortem durare videtur.

Но в эту минуту увидели Авла, склонившегося на край триклиниума: с испариной на лбу, с лицом позеленевшим, он прижимал оба кулака к желудку.

Саддукеи притворились перепуганными. (На другой же день право жертвоприношения было им даровано.) Антипа являл все признаки отчаяния; один Вителлий пребывал безучастным, хоть он и ощущал в душе жестокую тревогу: вместе с сыном он терял всю свою карьеру.

Авла стошнило... Но как только его рвота кончилась, он опять захотел есть.

Подайте мне скобленного мрамора, наксосского сланцу, морской воды, чего-нибудь, скорей! Или вот что: не взять ли мне ванну?

Он принялся грызть снежные комья. Затем, после недолгого колебания - за что ему приняться: за коммагенский ли паштет, за розовых ли дроздов, он решил взять тыквы на меду. "Азиат" с благоговением созерцал Авла: этот дар неустанного пожирания изобличал, по его понятию, существо необычайное, принадлежащее высшей породе!

Авлу подали бычачьих почек, жареную белку, соловьев, рубленого мяса, завернутого в виноградные листья. А между тем священники продолжали спорить о воскресении мертвых. Аммониа, ученик платоника Филона, находил подобные толки нелепыми и высказывал свое мнение тут же сидевшим грекам, которые смеялись над оракулами. Маркелл и Яков подошли друг к другу. Маркелл рассказывал о блаженстве, которое он испытал, приняв веру персидского бога Митры, а Яков убеждал его последовать Христу. Пальмовые и тамарисовые, сафетские и библосские вина текли ручьями из амфор в кувшины, из кувшинов в чаши, из чаш в гортани. Поднялся говор болтовни, начались сердечные излияния. Ясим, хоть и еврей, не скрывал более своего обожания планет; купец из Афаки изумлял кочевников подробным описанием чудес гиерополисского храма - и те спрашивали у него, что стоило путешествие туда? Зато другие крепко держались за свои прирожденные поверья. Полуслепой германец пел гимн во славу того скандинавского мыса, где боги являют в лучах свои лики; а люди из Сихема отказывались от жареных голубей - из уважения к священной горлице Азима.

Многие беседовали, стоя посреди залы, и от пара дыханья и дыма светильников в воздухе образовалось нечто вроде тумана. Фануил проскользнул вдоль стены. Он только что снова произвел наблюдения над небесными созвездиями: но не подвигался в направлении тетрарха, страшась выпачкаться в масло, что для ессеев было великим осквернением.

Вдруг послышались удары в ворота замка. Народ узнал о заключении Иоаканама. Люди с факелами в руках карабкались вдоль тропинок; темные массы кишели в оврагах - и от времени до времени поднимались протяжные вопли:

- Иоаканам! Иоаканам! - Он всему помехой, - сказал Ионафая.

- Не будет доходов, деньги переведутся, если ему позволят продолжать, - толковали фарисеи.

И отовсюду неслись упреки, жалобы.

- Защити нас, тетрарх! Пора покончить с этим человеком! Ты отступаешься от веры! Ты безбожник, как все Иродово племя!

- Меньше, чем вы! - возразил тетрарх... - Мой отец соорудил ваш храм.

Тогда фарисеи, сыновья изгнанников, сторонники Маттафии, начали упрекать тетрарха в преступлениях его семейства.

У иных из этих людей черепа были заостренные, взъерошенные бороды, слабые и как бы злые руки; у других - курносые рожи, круглые, выпученные глаза: они смотрели бульдогами. Человек двенадцать писцов и иерейских слуг, кормившихся остатками жертвоприношений, подбежало к самому помосту, обнажив ножи, - они грозили Антипе, который продолжал держать им речь, между тем как саддукеи неохотно и слабо заступались за него. Он увидел Маннаи и знаком повелел ему удалиться; Вителлий являл вид равнодушный, как бы давая знать, что все это до него не касается.

Оставшиеся на триклиниуме фарисеи пришли вдруг в неистовую ярость: они разбили вдребезги стоявшие перед ними блюда. Им подали любимое кушанье Мецената - жареного дикого осла под соусом, а они гнушались этим мясом, как нечистым.

Авл глумился над ними, напоминая им ту ослиную голову, которую, по слухам, они считали святыней. Много других обидных слов высказал он по поводу их отвращения к свинине. Вероятно, они потому так ненавидели это животное, что оно убило их Вакха; и они, всеконечно, были пьяницы, так как в их храме была найдена виноградная лоза, вычеканенная из золота.

Священники не понимали его слов. Финеас, родом галилеянин, отказался перевести их. Тогда Авл разгневался безмерно, тем более что "Азиат", перепугавшись, исчез. Обед не нравился Авлу: кушанья были грубые, недостаточно приправленные. Он, однако, успокоился при виде блюда из хвостов сирийских баранов, настоящих комков жирного сала.

Все эти иудеи, их поступки и нравы казались Вителлию гнусными. Их бог уж не тот ли Молох, думалось ему, алтари которого ему попадались по дорогам? Принесенные в жертву малые дети пришли ему на память, вместе с тем сказанием о неведомом некоем человеке, которого будто бы тайно откармливали эти иудеи. Его латинское сердце с негодованием отвращалось от их нетерпимости, от их иконоборной ярости, от их звериного упорства. Проконсул собирался уже удалиться... Но Авл не хотел встать с места.

Спустив свою хламиду до самых бедр, он лежал, распростертый перед целой грудой мяс и яств. Он до того был пресыщен, что уже ничего есть не мог, - но не в силах был оторваться от всей этой благодати.

Возбуждение толпы все росло. Возникали мечты о независимости, вспоминалась древняя слава Израиля! Не подверглись ли все завоеватели небесной каре? Антигон, Красе, Вар...

- Негодяи! - воскликнул вдруг проконсул.

Он понимал по-сирийски - и держал при себе толмача только для того, чтобы дать себе время приготовить ответы.

Антипа поспешно достал медаль императора - и сам, с трепетом на нее взирая, показывал ее толпе со стороны лицевого изображения.

Но тут внезапно раскрылись створчатые двери золотой трибуны - и при ярком блеске свечей, окруженная рабами, гирляндами из анемонов, появилась Иродиада.

Ассирийская митра, прикрепленная подбородником, спускалась ей на лоб. Перекрученные кудри рассыпались вдоль пурпурного пеплума, прорезанного во всю длину рукавов. Каменные чудовища, подобные тем, что находились в Аргосе, над сокровищницей Атридов, вздымались по обеим сторонам дверей, и, стоя между ними, - она уподоблялась Цибеле, сопровождаемой ее двумя львами. С вышины балюстрады, которая царила над тем местом, где находился Антипа, она, держа в руке плоский кубок, громко закричала:

- Да здравствует цезарь!

Вителлин, Антипа и священники тотчас подхватили этот крик. Но в это мгновение с конца залы пробежал гулкий говор изумления, удивления... Молодая девушка вошла в залу.

Под голубоватым вуалем, который закрывал ей голову и грудь, можно было различить полукруглые линии ее бровей, ее халкедоновые серьги, белизну ее кожи. Схваченный на талье золотым поясом, четырехугольный кусок шелковой ткани переливчатого цвета лежал на ее плечах; черные шальвары были усеяны изображениями мандрагор, и, небрежно и лениво постукивая своими маленькими туфлями из пуха райской птицы, она тихо подвигалась вперед.

На самом верху помоста она сняла свой вуаль. Она походила на Иродиаду в молодости. Потом она стала танцевать. Она переставляла ноги одну перед другою, под лад флейты и пары кротал. Ее округленные руки призывали кого-то, который все убегал от нее. Легче бабочки преследовала она его, словно Психею, в которой зажглось

любопытство, словно тень души, осужденной скитаться... и, казалось, то и дело готовилась улететь.

Похоронные звуки "гингры" заменили кроталы. Безнадежное уныние заступило место резвой надежды. Каждое движение девушки выражало тоску - и вся она замирала в таком томлении, что невозможно было сказать, плачет ли она о покинувшем ее боге или изнывает под его лаской. Полузакрыв ресницы, она крутила свой стан, волнообразно колыхала свои бедра, вздрагивала грудями - а лицо оставалось неподвижным. Зато ноги не останавливались.

Вителлий сравнивал ее с пантомимом Мнестером. Авла рвало по-прежнему. Тетрарх - словно во сне - терялся в мечтаниях. Он уже не думал об Иродиаде. Ему показалось, что она подошла к саддукеям. Но то видение удалилось.

Это не было видение. Иродиада - вдали от Махэруса - отдала в науку Саломею, свою дочь, в той надежде, что она понравится тетрарху. Ее расчет оказывался верным. Теперь она уже не сомневалась в этом. Но вот пляска снова изменилась. То был неистовый порыв любви, жаждущей удовлетворения. Саломея плясала, как пляшут индийские жрицы, как нубийки, живущие близ катаракт Нила, как лидийские вакханки. Она круто склонялась во все стороны, подобно цветку, поражаемому ударами сильного ветра. Блестящие подвески прыгали в ее ушах, ткань на ее плечах играла переливами; от ее рук, ног, от ее одежд отделялись невидимые искры, которые зажигали сердца людей. Арфа запела где-то - и толпа отозвалась рукоплесканиями на ее томительные звуки. Не сгибая колен и раздвигая ноги, Саломея нагнулась так низко, что подбородок ее касался пола, - и кочевники, привыкшие к воздержанию, римские воины, искушенные в забавах разврата, скупые мытари, старые, зачерствелые в диспутах жрецы - все, расширив ноздри, трепетали под наитием неги.

Затем она принялась кружить около стола Антипы с бешеной быстротою... и он, голосом, прерывавшимся от сладострастных рыданий, говорил ей: "Ко мне! Приди!.." Но она все кружилась, тимпаны звенели буйно, с дребезгом - так и казалось, что вот-вот разлетятся они. Народ ревел - а тетрарх кричал все громче и громче: "Ко мне! Приди ко мне! Я дам тебе Капернаум, долину Тивериады, все мои крепости, половину моего царства!"

Она вдруг упала на обе руки, пятками кверху, прошла таким образом вдоль помоста, подобно большому жуку, - и внезапно остановилась.

Ее затылок и хребет составляли прямой угол. Темные шальвары, покрывавшие ее ноги, спустились через ее плеча - и окружили дугообразно ее лицо, на локоть от полу. Губы у ней были крашенные, брови чернее чернил, глаза грозные, страшные... Крохотные капельки на ее лбу казались матовым испарением на белом мраморе.

Она ничего не говорила. Она глядела на тетрарха - и он глядел на нее.

Кто-то щелкнул пальцами на трибуне. Саломея быстро взбежала туда, появилась снова - и, немного картавя, детским голоском произнесла:

- Я хочу, чтобы ты дал мне на блюде голову... голову... - Она позабыла имя - но тотчас же прибавила с улыбкой: - голову Иоаканама.

Тетрарх, словно раздавленный, опустился на ложе.

Данное слово связывало его... Народ ждал...

"Но, быть может, - подумал Антипа, - это и есть та предсказанная смерть... и она, обрушившись на другого, пощадит меня! Если Иоаканам точно Илия - он сумеет ее избежать; если же нет - убийство не представляет важности".

Маннаи стоял возле него... и понял его мысль. Он уже удалялся; но Вителлий позвал его обратно и сообщил ему пароль. Римские солдаты стерегли ту яму.

Всем точно полегчило. Через минуту все будет кончено. Но Маннаи, верно, замешкался...

Он возвратился... На нем лица не было. Сорок лет он исполнял должность палача. Он утопил Аристовула, задушил Александра, заживо сжег Маттафию, обезглавил Зосиму,

Паппаса, Иосифа и Антипатера... И он не дерзал убить Иоаканама! Зубы его стучали... все тело тряслось.

Он увидел перед самой ямой - великого ангела самаритян; покрытый по всему телу глазами, ангел потрясал огромным мечом, красным и зубчатым, как пламя молнии. Маннаи привел с собою двух солдат, свидетелей чуда.

Но солдаты объявили, что не видели ничего, кроме еврейского воина, который бросился было на них - и которого они тут же уничтожили.

Обуянная несказанным гневом, Иродиада изрыгнула целый поток площадной, кровожадной брани. Она переломала себе ногти о решетку трибуны - и два изваянных льва, казалось, кусали ее плечи и рычали так же, как она. Антипа закричал не хуже ее. Священники, солдаты, фарисеи - все требовали отмщения; а прочие негодовали на замедление, причиненное их удовольствию.

Маннаи вышел, закрыв лицо руками.

Гостям время показалось еще продолжительнее... Становилось скучно.

Вдруг шум шагов раздался по переходам... Тоска ожидания стала невыносимой.

И вот - вошла голова. Маннаи держал ее за волосы напряженной рукой, гордясь рукоплесканиями толпы.

Он положил ее на блюдо - и подал Саломее. Она проворно взобралась на трибуну - и, несколько мгновений спустя, голова была снова принесена той самой старухой, которую тетрарх заметил сперва на платформе одного дома, а потом в комнате Иродиады.

Он отклонился в сторону, чтобы не видеть этой головы. Вителлий бросил на нее равнодушный взгляд.

Маннаи спустился с помоста - показал ее римским начальникам, а затем всем гостям, сидевшим с той стороны.

Они рассматривали ее внимательно.

Острое лезвие меча, скользнув сверху вниз, захватило часть челюсти. Судорога стянула углы рта, уже запекаясь кровь пестрила бороду. Закрытые веки были бледно-прозрачны, как раковины, а кругом светочи проливали свой лучистый свет.

Голова достигла стола священников. Один фарисей с любопытством перевернул ее; но Маннаи, поставив ее снова стоймя, поднес ее Авлу, которого это разбудило.

Сквозь узкое отверстие ресниц мертвые зеницы Иоаканама и потухшие зеницы Авла, казалось, что-то сказали друг другу. Потом Маннаи представил голову Антипе; и слезы потекли по щекам тетрарха.

Факелы погасли. Гости удалились - и в зале остались только Антипа и Фануил. Стиснув виски руками, тетрарх все смотрел на отрубленную голову; а Фануил, стоя неподвижно посреди пустой залы и протянув руки, шептал молитвы.

В самое мгновение солнечного восхода два человека, некогда отправленных Иоаканамом, появились с столь давно ожидаемым ответом.

Они сообщили этот ответ Фануилу, который тотчас восторженно умилился духом.

Он им показал ужасный предмет на блюде, между остатками пира.

Один из двух людей сказал ему: - Утешься! Он сошел к мертвым, чтобы известить их о пришествии Христа.

Ессей теперь только понял те слова Иоаканама: "Дабы он возвеличился, нужно мне умалиться!"

И все трое, взявши голову Иоаканама, направились в сторону Галилеи.

Так как она была очень тяжела - они несли ее поочередно.